

СПЕЦИФИКА «ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ» В НЕКОТОРЫХ СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ

К. С. Саблин

«DEVELOPMENTAL INSTITUTIONS» SPECIFICITY IN SOME SIBERIAN REGIONS

K. S. Sablin

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-32-01234-а2 «Структура доходов и расходов бюджетов субъектов федерации, как фактор инновационной трансформации регионов ресурсного типа».

Статья посвящена рассмотрению особенностей созданных «институтов развития» в сибирских регионах. Артикулируется значимость институциональной среды и неформальных персонализированных связей, влияющих на их формирование. Исследование проводится с применением методологических основ теории общественного выбора, в частности – экономики бюрократии, и концепции Д. Норта. Выявлены функциональные роли, которые исполняют «институты развития» в сибирских регионах: «филиал» региональной администрации, находящийся под ее полным организационным, финансовым и административным контролем; «независимый агент», выражающий интересы академической и вузовской науки и малого инновационного бизнеса; «подразделение» федеральной инновационной структуры, способствующее коммерциализации нововведений в регионе; «проводник» интересов крупного бизнеса, благоприятствующий реализации масштабных проектов в регионе. Разные комбинации элементов институциональной среды и неформальных персонализированных связей между субъектами, которые участвуют в формировании «институтов развития», определяют «успех» или «провал» данных организационно-экономических структур.

The paper is devoted to the peculiarities of «developmental institutions» formation in the Siberian regions. The importance of the institutional environment and informal personalized ties that affect its formation is articulated. The research is carried out according to the methodological base of public choice theory, especially – economics of bureaucracy, and the concept of D. North. The functional roles which «developmental institutions» perform in the Siberian regions are disclosed, namely: «affiliate» of the regional administration under its full organizational, financial and administrative control; «independent agent», which expresses the interests of academic and university science and small innovative business; «subdivision» of federal innovative structure that promotes commercialization of innovations in the region; «conductor» of the big business interests that favours large-scale projects realization in the region. As a result, different combinations of the elements of institutional environment and informal personalized ties between subjects who are involved in the process of «developmental institutions» creation determine further «success» or «failure» of these organizationaleconomic structures.

Ключевые слова: «институты развития»; институциональная среда; неформальные связи; рентоориентированное поведение.

Keywords: «developmental institutions»; institutional environment; informal ties; rent-seeking behavior.

Постановка проблемы

В настоящее время власти российских регионов предпринимают меры по созданию условий для перехода на траекторию развития, предполагающую активное генерирование инноваций. Особое значение инновации приобретают для сибирских регионов, экономика которых, как правило, базируется на сырьевых отраслях и/или отраслях первичного передела. Они создают дополнительную возможность ослабить сырьевую зависимость, создать новые высокооплачиваемые рабочие места и повысить уровень жизни населения. В качестве инструмента решения данной задачи федеральные власти инициировали создание «институтов развития» как организационно-экономических структур, которые содействуют распределению ресурсов в пользу проектов по реализации нового потенциала экономического роста посредством привлечения инвестиций в социальную и инженерную инфраструктуру, в развивающиеся отрасли и в человеческий капитал, а также посредством создания новых технологий и содействия повышению конкурентоспособности малого бизнеса.

Проблема заключается в том, что уже созданные в некоторых российских регионах «институты разви-

тия» не решают поставленных перед ними задач. Они «вырождаются» в структуры, способствующие извлечению рентных доходов теми предпринимателями, которые тесно аффилированы с представителями региональных властей, и бюрократической ренты самими чиновниками, ответственными за осуществление инновационной политики в регионах и контролирующими потоки финансовых ресурсов, идущих на создание «институтов развития». Приоритетной для них изначально является демонстрация административного рвения и «готовности» следовать общей линии федерального центра на проведение модернизации. В данном случае, региональные власти решают две задачи:

- 1) проявляют лояльность центральному политическому руководству;
- 2) создают основу для привлечения федеральных бюджетных средств.

Ряд исследователей отмечает, что в условиях, когда сформулирована задача проведения модернизации и для ее решения выделен значительный объем ресурсов, мотивация региональных властей и не предполагает инновационных маневров, если за них хорошо не заплачено из федерального бюджета, в то время как

высшее руководство страны более всего заинтересовано в краткосрочной политической лояльности региональных чиновников, а не в эффективности их работы в долгосрочной перспективе [1, с. 224 – 225; 4, с. 56].

Цель статьи заключается в выявлении специфики созданных «институтов развития» в сибирских регионах как инструмента перехода российской экономики на инновационный путь развития.

Общие особенности создания «институтов развития» в России: институциональная среда и неформальные связи

При создании «институтов развития» необходимо принимать во внимание институциональную среду, сложившуюся в том или ином регионе. Институциональная среда представляет собой «совокупность базовых юридических, политических и социальных правил и норм, задающих стимулы для соответствующего поведения экономических агентов» [25, р. 133]. Она определяет набор возможностей, которые в одних условиях делают более прибыльной перераспределительную активность, заключающуюся в поиске официальных и неформальных привилегий и льгот, а в других – продуктивную деятельность, ведущую к извлечению инновационной ренты.

Россия является страной с исторически сложившейся пространственной социально-экономической дифференциацией, которая определяет:

- 1) изначально разные возможности для экономического развития регионов;
- 2) фрагментированную институциональную среду, т. е. вариацию множеств фундаментальных политических, социальных и юридических основополагающих правил, которые регулируют экономическую деятельность в том или ином регионе;
- 3) локализованные институциональные соглашения, т. е. различные соглашения между экономическими агентами того или иного региона, которые регулируют способы их конкуренции [9, с. 169 – 170].

Данные особенности определяют тот факт, что созданная система «институтов развития» является двухуровневой.

Формирование двухуровневой системы «институтов развития» предполагает устойчивые взаимосвязи федеральных и региональных чиновников. Их взаимодействие осуществляется на политико-бюрократическом рынке, представляющем собой институциональный «гибрид» классического политического рынка как способа принятия коллективных решений о финансировании и производстве общественных благ, субъектами которого выступают избиратели, политические партии и отдельные политики, и рынка бюрократического, укорененного в структурах федеральных и региональных органов власти, являющегося способом распределения ресурсов посредством использования отдельными группами специальных интересов своих статусных позиций в рамках формально единой властной иерархии. «Гибридность» политико-бюрократического рынка в современной России проявляется в следующем [10, с. 99]:

1. Реальное сращивание политических, бюрократических и экономических «торгов» при их формальном разделении.

2. Встречная «бюрократизация» политических и экономических трансакций и «политизация» экономических и бюрократических «торгов».

«Бюрократизация» заключается в том, что конкурентоспособность политических и экономических агентов определяется их статусом во властной иерархии. С другой стороны, «бюрократы» ведут себя как «политики» и ориентируются на наращивание своего политического ресурса посредством осуществления инвестиций в укрепление разветвленной сети персонализированных взаимосвязей. Представители властных структур не только извлекают экономические выгоды, но и решают главную для себя задачу, связанную с укреплением позиций во властной иерархии. Как замечает К. Дарден, отличительной особенностью постсоветских государств является то, что чиновники одновременно исполняют как политические, так и административные функции в рамках бюрократической иерархии, при этом потеря официальной позиции приводит к потере неофициальных вознаграждений [6, с. 132].

Инициатором создания двухуровневой системы «институтов развития» в российской экономике выступило федеральное правительство, которое вложило значительные бюджетные средства в их формирование. В данном случае главными задачами бюрократической иерархии являются управление потоками ресурсов и ведение административного торга по их распределению, в то время как положение отдельных чиновников определяет количество ресурсов, которыми они могут распоряжаться, реализуя свои частные интересы посредством использования как формальных, так и неформальных правил и норм. Административный контроль над финансовыми потоками актуализирует борьбу за экономически выгодные позиции в бюрократической иерархии, а не за ее эффективность [22].

Отсутствие четкого назначения у некоторых региональных «институтов развития» означает мягкие бюджетные ограничения их создания, которые организационно присущи политико-бюрократическому рынку. Так, в соответствии с государственной программой «Создание технопарков в сфере высоких технологий» в 2007 – 2010 гг. федеральное правительство решило выделить из госбюджета 8,869 млн руб. [5]. Фактически, к началу 2011 г., когда срок реализации программы истек, оказалось, что для создания технопарков в сфере высоких технологий из федерального бюджета было выделено более 12 млрд руб. [12]. Зам. генерального директора ОАО «Кузбасский технопарк» А. Каретин по этому поводу замечает, что для успешной реализации государственной программы необходимо было обеспечить четкую постановку целей и задач, и излагает свое видение причин ее низкой эффективности – неопределенность относительно того, что из себя представляют технопарки, и выделение бюджетных средств при отсутствии на федеральном уровне нормативной базы, регулирующей деятельность технопарков и инновационную деятельность в целом [7].

Мягкие бюджетные ограничения создания региональных «институтов развития» стимулируют не столько максимизацию чиновниками общественно значимой выгоды, сколько их расточительную конку-

ренцию за должностные позиции в созданных «институтах развития», которая включает в себя стандартный набор приемов: служебные интриги, использование личных связей, кумовство, проявление статусной лояльности. В этом смысле, отдельные чиновники активно осуществляют «капитализацию» своего статуса и максимизируют выгоду от занимаемой ими должности, не заботясь об эффективности «институтов развития». Так, из общего количества созданных в российских регионах технопарков (всего по разным данным их насчитывается около двух тысяч) 30 являются объектами, где осуществляется коммерциализация новых идей, и только немногим более 10 технопарков были оценены как отвечающие международным требованиям [2, с. 80]. Малое количество эффективно работающих технопарков связано с тем, что при их создании не просчитывались эффективность и окупаемость, но в основном их создание преследовало цель получить дополнительные бюджетные ассигнования под данные структуры. По мнению В. Полтеровича, можно говорить о быстром и бессистемном создании всевозможных «институтов развития», что ведет к их последующей дисфункции [14, с. 5 – 7]. В некоторых регионах предоставление субсидий на компенсацию части затрат инновационных предприятий – это политическая, а не экономическая мера, а сами объекты инновационной инфраструктуры зачастую превращаются в дотируемые объекты офисной недвижимости, которые имеют весьма слабое отношение к развитию инновационной деятельности.

На наш взгляд, бессистемное создание всевозможных «институтов развития» и отсутствие сколь-нибудь значимого эффекта от их функционирования не является исключительно ошибочным в рамках реализуемой инновационной политики. В одних случаях это может быть осознанная демонстрация политической лояльности высшего руководства региона, при этом регион может быть «аутсайдером» с точки зрения возможностей перейти на инновационный путь развития. В других случаях, губернаторы регионов стараются целенаправленно использовать каналы привлечения средств госбюджета для создания «институтов развития», формируя тем самым имидж успешных и «продвинутых» региональных руководителей.

Представляется, что в обоих случаях используются неформальные связи персонализированного характера в рамках властной иерархии, однако они имеют принципиально разную природу. Это может быть коррумпированный nepотизм («nepотизм» понимается в широком смысле, т. е. как знакомство с «правильными» людьми и/или полезные связи, позволяющие получить определенные привилегии), ведущий к созданию административно-бюрократических барьеров для тех предпринимателей, которые готовы заниматься инновациями, и nepотизм «шумпетерианского» типа, способствующий быстрому экономическому росту в условиях, когда общественно значимые интересы не противостоят корыстным устремлениям отдельных чиновников [15, с. 285 – 287]. Как показывает мировой опыт, nepотизм «шумпетерианского» типа встречается нечасто в экономической деятельности, поскольку «чиновники лишь в редких случаях задают такие правила игры, которые благоприятствуют про-

дуктивной экономической активности» [13, с. 105 – 106].

Пример Кремниевой долины в США иллюстрирует важность полезных знакомств и личных контактов для предпринимателей из малых инновационных фирм, так как они предоставляют им быстрый доступ к ресурсам, которые не могут быть изысканы внутри самих фирм. Подобные связи выступают в качестве своеобразного «социального клея», упрощающего передачу знаний среди широкого круга предпринимателей [24, р. 222]. По образному выражению Э. Лебре, «личные связи между участниками инновационного процесса ведут к тому, что происходит неформальный процесс «заражения» стартапами» [8, с. 34].

Иной «вязкостью» обладает институциональная среда в российской экономике, которая в большинстве случаев гасит инновационные стимулы. Высокий уровень административной волокиты и явные проявления коррупции приводят к тому, что инвестиции в политический ресурс успешно противостоят инвестициям в получение прибыли от «шумпетерианских» инноваций, а проекты инновационного развития превращаются в инструмент получения преимуществ в дотациях и субсидиях теми предпринимателями, которые в состоянии обеспечить максимальные трансферты ресурсов в пользу субъектов принятия политических решений [3, с. 123; 11, с. 54 – 56]. Интересно отметить, что существует также *различное понимание «промахов»*, которые случаются в процессе реализации инновационных проектов. «Промах» в Кремниевой долине – это проект, которому отказали в инвестициях, а он впоследствии стал чрезвычайно успешным [8, с. 90]. «Промах» в ОАО «Роснано» – это получение бюджетных средств проектами, оказавшимися в итоге провальными [21].

Рассмотрев общие особенности формирования «институтов развития» в России, перейдем к выявлению специфики их создания в сибирских регионах.

Специфика созданных «институтов развития» в некоторых сибирских регионах

При выборе сибирских регионов было использовано два критерия:

1. Структура региональной экономики, определяющая отношение хозяйствующих субъектов к процессу генерирования инноваций.

2. Наличие в регионах «институтов развития», созданных при участии представителей органов власти федерального и регионального уровней.

Кемеровскую область и Красноярский край мы относим к регионам «ресурсного типа», базовыми отраслями которых являются добывающие отрасли и/или отрасли первичного передела. Томская и Новосибирская области являются регионами с относительно диверсифицированной экономикой, выступающими лидерами в сфере генерирования инноваций. В выбранных сибирских регионах были созданы «институты развития» при прямом участии представителей федеральных и региональных органов власти: ОАО «Кузбасский технопарк», ОАО «Технопарк Новосибирского Академгородка», ОАО «ОЭЗ ТВТ Томск» и ОАО «Корпорация развития Красноярского края». Кроме того, интересным представилось сопоставление отмеченных сибирских регионов с административно-территориальными единицами в развитых

странах – штатами США и землями ФРГ (исходя из имеющейся в нашем распоряжении информации).

ОАО «Кузбасский технопарк» создано в 2007 г. в соответствии с госпрограммой «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий». Единственным учредителем ОАО «Кузбасский технопарк» выступила Кемеровская область в лице комитета по управлению государственным имуществом. Органом управления ОАО «Кузбасский технопарк» выступает Совет директоров, в состав которого входило 15 человек (2010 г.). Проведенный анализ показал, что в нем доминировали представители региональной власти (7), в первую очередь – администрации, и регионального крупного бизнеса (3). В состав Совета также входили два мэра крупнейших кузбасских городов – Новокузнецка и Кемерово, и по одному представителю от кузбасской академической и вузовской науки. Возглавлял Совет директоров первый зам. губернатора. Представляется, что в данном случае региональный «институт развития» превратился в своеобразный «филиал» региональной администрации, находящийся полностью под ее организационным и финансовым контролем.

ОАО «Технопарк Новосибирского Академгородка» создано в рамках отмеченной госпрограммы. Учредителем выступила Новосибирская область в лице Департамента имущества и земельных отношений. Коллегиальным органом управления ОАО «Технопарк Новосибирского Академгородка» является Наблюдательный совет, включавший в себя 12 человек (2011 г.). Он состоял из представителей академической науки (3), наемных менеджеров (3), представителей малого инновационного бизнеса (2), представителей региональной (2) и муниципальной (2) власти [18]. На наш взгляд, региональный «институт развития» выступает как относительно «независимый агент», выражающий интересы представителей академической науки и малого инновационного бизнеса. Высокий уровень развития образовательной и исследовательской сферы региона, наличие научных традиций и развитой инфраструктуры (Академгородок) создают условия для преобладания данных интересов.

ОАО «ОЭЗ ТВТ Томск» создано в 2005 г. с привлечением бюджетных средств федерального (74 % уставного капитала) и регионального (26 % уставного капитала) уровней. Органом управления ОАО «ОЭЗ ТВТ Томск» выступает Совет директоров, который в 2010 г. включал в себя 7 человек. Большинство членов Совета составляли наемные менеджеры федерального (3) и регионального (2) уровней [19]. В него вошло два представителя региональной власти. Подобный состав органа управления говорит о доминировании наемных менеджеров, что является видимым основанием для относительной независимости «института развития» от региональной власти, и о явном влиянии федерального уровня, заинтересованного в непосредственном управлении особой экономической зоной. Томская область традиционно считается лидером в научной, образовательной и инновационной сферах не только среди регионов Сибирского федерального округа, но и в России в целом. В этом смысле региональный «институт развития» выступает в качестве «подразделения» федеральной инновационной структуры (ОАО «ОЭЗ»), создавая условия для

коммерциализации инноваций с учетом специфики региона – наличия укорененных научных традиций и зрелой инновационной инфраструктуры.

ОАО «Корпорация развития Красноярского края» создано в 2006 г. Учредителями корпорации развития на паритетных началах выступили ООО «Компания «Базовый элемент», ЗАО «ГидроИнжиниринг Сибирь», ОАО «Красноярский завод цветных металлов имени В. Н. Гулидова» и ГК «Банк развития и внешнеэкономической деятельности. Органом управления ОАО «Корпорация развития Красноярского края» является Совет директоров, состоявший из 9 человек (2012 г.). Проведенный анализ показал, что в нем присутствовали наемные менеджеры (4), представители крупного бизнеса (4), представитель региональной власти (1) [20]. На наш взгляд, региональный «институт развития» является «проводником» интересов крупного бизнеса в регионе. Это обосновано тем, что в Красноярском крае реализуются крупномасштабные инвестиционные проекты, связанные, скорее, не с инновационным развитием, а со стремлением региональных властей осуществить новую индустриализацию экономики региона, предполагающую активное привлечение средств крупного бизнеса [17]. Новая индустриализация означает сырьевое и инфраструктурное освоение обширной территории на востоке страны, а также решение геостратегической задачи по сохранению территориальной целостности России.

Сравним сибирские регионы со штатами США и землями ФРГ с точки зрения внутренних затрат на НИОКР, и удельного веса затрат региональных бюджетов и организаций частного сектора на НИОКР в ВРП регионов (таблицы 1, 2).

Отметим, что суммарные затраты на НИОКР, осуществляемые в сибирских регионах, в 4 раза меньше соответствующих затрат Массачусетса, который не является лидером по объемам финансирования научных исследований и разработок среди рассмотренных штатов и земель. С другой стороны, в штате Калифорния инвестируют в НИОКР в 123 раза больше, чем Томская, Новосибирская и Кемеровская области, а также Красноярский край вместе взятые.

Представленные сибирские регионы-лидеры в сфере осуществления инноваций в целом не уступают по относительным значениям финансирования научных исследований и разработок. В то же время, регионы «ресурсного типа» отстают значительно: минимальное значение отставания между Красноярским краем и штатом Пенсильвания (в 3 раза), а максимальное – между Кемеровской областью и штатом Массачусетс (в 46 раз).

Сравнение внутренних затрат на НИОКР у сибирских регионов, штатов США и земель ФРГ (тыс. долл.)*

<i>Регион, штат, земля</i>	<i>Внутренние затраты на НИОКР у сибирских регионов, штатов США и земель ФРГ (тыс. долл.)</i>	<i>Год</i>
Томская область	273	2012
Новосибирская область	543	2012
Красноярский край	370	2012
Кемеровская область	34	2012
Штат Массачусетс	4879	2011
Штат Калифорния	149812	2011
Штат Нью-Джерси	17069	2011
Штат Пенсильвания	71098	2011
Земля Баден-Вюртемберг	23854	2010
Земля Нижняя Саксония	8005	2010
Земля Гессен	9476	2010
Земля Бавария	19051	2010

Примечания: рассчитано автором по: [16, с. 797; 23, с. 228; 26];

* величина расходов на НИОКР у сибирских регионов и земель ФРГ приведена в соответствие с официальным валютным курсом рубля и евро к доллару США на момент составления соответствующих отчетов.

Таблица 2

Сравнение удельного веса затрат на НИОКР в ВРП сибирских регионов, штатов США и земель ФРГ (в %)

<i>Регион, штат, земля</i>	<i>Удельный вес затрат на НИОКР в ВРП сибирских регионов, штатов США и земель ФРГ (%)</i>	<i>Год</i>
Томская область	2,17	2011
Новосибирская область	2,53	2011
Красноярский край	0,79	2011
Кемеровская область	0,12	2011
Штат Массачусетс	5,53	2008
Штат Калифорния	4,22	2008
Штат Нью Джерси	4,28	2008
Штат Пенсильвания	2,39	2008
Земля Баден-Вюртемберг	4,7	2010
Земля Нижняя Саксония	2,7	2010
Земля Гессен	3,1	2010
Земля Бавария	3,2	2010

Примечание: рассчитано автором по: [16, с. 797; 23, с. 228; 27, р. 8 – 89].

На наш взгляд, руководство Новосибирской и Томской областей «сделало ставку» на наемных менеджеров и малый инновационный бизнес при минимальном участии представителей региональной власти, что отражается в наличии среды, стимулирующей инновационную активность в регионах. Красноярский край стремится реализовать масштабные инвестиционные проекты новой индустриализации с участием наемных менеджеров и представителей крупного бизнеса федерального уровня. В Кемеровской области явно доминируют представители региональной власти и бизнеса, который занимается традиционными видами хозяйственной деятельности. Одним из примеров, иллюстрирующих влияние подобного доминирования на поведение предпринимателей, является возможность их включения в резерв управленческих кадров региональной администрации, открывающий доступ к получению определенных привилегий. Иными словами, актуальными становятся персонализированные связи административно-бюрократического характера,

что может свидетельствовать о важности получения инноватором статуса во властно-бюрократической иерархии. Для сравнения, в Кремниевой долине венчурные капиталисты отдают предпочтение не должностному статусу и даже не академическому диплому, а личным достижениям инноваторов, их компетентности и опыту [8, с. 182 – 183].

Выводы

При создании «институтов развития» важно учитывать специфику институциональной среды российской экономики, задающей стимулы для субъектов, участвующих в их формировании. Важными являются неформальные персонализированные связи экономических агентов, вовлеченных в инновационную деятельность, поскольку они способны создать как непреодолимые административно-бюрократические барьеры для предпринимателей, готовых заниматься инновациями, так и облегчить доступ к дополнительным источникам финансирования для «рентоориентированных» пред-

принимателей, которые лишь стремятся имитировать «бурную инновационную активность».

Пример сибирских регионов, в которых созданы «институты развития», показывает, что подобные структуры могут быть изначально превращены в «филиалы» региональных администраций, которые мало способствуют продвижению инноваций в регионе. Доминирование в их органах управления представителей региональных властей может привести к блоки-

рованию инновационной деятельности. В связи с этим, при создании «институтов развития» необходимо в первую очередь учитывать сложившуюся научную, образовательную и предпринимательскую среду региона, которая должна быть адекватной стремлению его властей создать структуры, способствующие повышению инновационной активности. В противном случае, чиновники будут вынуждены сами исполнять роль «инноваторов».

Литература

1. Афанасьев М. Качество государства – главная проблема России // Прогнозис. 2008. № 1.
2. Гаврилова Н. М. Технопарки в мире и в России // ЭКО. 2012. № 10.
3. Галабурда Н. К. Инновации, поиск ренты и эффективность постсоциалистической трансформации // Научные труды ДонНТУ. 2011. Вып. 40-1.
4. Гельман В. Тупик авторитарной модернизации // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 5 – 6.
5. Государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий». Одобрена распоряжением Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р. – URL: <http://www-government.ru/>
6. Дарден К. Целостность коррумпированных государств: взяточничество как неформальный институт управления // Прогнозис. 2009. № 2.
7. Каретин А. Н. Изучение инновационного спроса как инструмент маркетинга инноваций на примере деятельности Кузбасского технопарка // ЭКО. 2010. № 5.
8. Лебре Э. Стартапы. Чему мы еще можем поучиться у Кремниевой долины. М.: Корпоративные издания, 2010. 216 с.
9. Левин С. Н. Региональная локализация и сегментация институциональной среды в постсоветской экономике России // Научные труды ДонНТУ. 2008. Вып. 34-1.
10. Левин С. Н. Политико-бюрократический рынок в современной России // Научные труды ДонНТУ. 2012. Вып. 41.
11. Малкина М. Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики // Журнал институциональных исследований / Journal of Institutional Studies. 2011. Т. 3. № 1.
12. Мерцалова А. Технопаркам в Татарстане, Мордовии и Кузбассе не хватает денег // Газета «Известия». 2011. 9 июня.
13. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений; пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 256 с.
14. Полтерович В. М. Проблема формирования национальной инновационной системы // Экономика и математические методы. 2009. № 2.
15. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными; пер. с англ. Н. Автономовой. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2011. 384 с.
16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. М.: Росстат, 2013. 990 с.
17. Саблин К. Новая индустриализация российской экономики в контексте создания институтов развития // Журнал экономической теории. 2010. № 4. С. 198 – 203.
18. Список аффилированных лиц на 02.06.2011. URL: <http://www.academpark.com>
19. Список аффилированных лиц на 18.06.2010. URL: <http://www.russez.ru>
20. Список аффилированных лиц на 23.08.2012. URL: <http://www.krdc.ru/>
21. Счетная палата проверила ОАО «РОСНАНО». URL: <http://www.ach.gov.ru/ru/news/26042013-2/>
22. Шмаков А. В., Петров С. П. Приоритетность критериев эффективности при проектировании законодательства // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 2. С. 123 – 130.
23. Bundesbericht Forschung und Innovation. Berlin: Bundesministerium für Bildung und Forschung, 2012. 656 s.
24. Castilla E. J., Hwang H., Granovetter E., Granovetter M. Social Networks in Silicon Valley // The Silicon Valley Edge: A Habitat for Innovation and Entrepreneurship. Stanford: Stanford University Press, 2000.
25. Davis L., North D. Institutional Change and American Economic Growth: A First Step Towards a Theory of Institutional Innovation // The Journal of Economic History. 1970. Vol. 30. № 1.
26. National Science Foundation. Social, Behavioral and Economic Sciences. URL: <http://www.nsf.gov/statistics/staterd/>
27. Science and Engineering Indicators. Arlington VA.: National Science Foundation, 2012. 592 p.

Информация об авторе:

Саблин Кирилл Сергеевич – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и государственного управления КемГУ, Sablin_ks@mail.ru.

Kirill S. Sablin – Candidate of Economics, Senior Lecturer at the Department of Economic Theory and State Management, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28 июля 2014 г.